

ПРАВОСЛАВНЫЙ ВЕСТНИК

«Любовь, брат, не умирает...»

25 лет со дня гибели Оптинских новомучеников –
иеромонаха Василия, инока Трофима и инока Ферапонта

Восемнадцатое апреля, 1993 год. В тот день Светлого Христова Воскресения на Руси пасхальная радость в душе православных смешивалась с печалью. Ведь все мы бывали в Оптиной, где нас встречал милосердный гостинник отец Трофим, в трапезной кормил ангел молчания Ферапонт, а в храме исповедовал и причащал иеромонах Василий. Все они обладали дарами Духа Святого. Наша печаль о них была светла. Они-то, несомненно, уже пребывают в вечной радости со Христом. А вот мы-то их никогда больше не увидим и не услышим. Почему именно их, лучших из нас, призвал тогда Господь? – потому, что они были готовы стать первыми жертвами того кровавого 1993 года.

**«Я готов, Господи»
(Отец Трофим)**

Мы с сыном, лет двенадцать тогда ему было, первый раз приехали в Оптину пустынь вскоре после того, как узнали, что ее вернули Церкви, в конце августа 1989 года.

Много читали об Оптиной и ее старцах, ехали в обитель, которую видели в книжках дореволюционных изданий, а там тогда разруха была страшная. Хуже Батяя прошлись большевички по Пустыни.

Братия тогда восстановила только маленькую надвратную церковь, в ней и служили Богу.

Но и при этой разрухе братия, по сложившейся в обители многовековой традиции, все-таки принимала паломников. Освободили для них две большие комнаты, называвшиеся по-

старинному: мужская и женская половина. Я имела право заглянуть только в «женскую» – лучше и не рассказывать, в каких условиях там ночевали люди.

Паломницы мне сказали: «Вам надо к гостиннику Леониду. Он скажет, куда идти». Мы пошли к полуразрушенному Введенскому собору. И вскоре к нам стремительно (он все делал стремительно) подошел гостинник Леонид. В монастыре с именем Трофим он был пострижен только через год. Таких иноков я раньше только на картинах Нестерова и на образе видела. Помню, что невесомо худой был (но при этом, как потом узнала, очень сильный – кочергу в узел мог завязать), а глаза у него искрились и сливались с небом. К сожалению, ни одна из фотографий не передает его подлинный облик.

– Благословите нам с сыном переночевать где-нибудь одну ночь, – сказала я ему.

– А, пожалуйста. Размещайтесь в женской половине, а сын пойдет в мужскую, – ответил он и даже паспорт не посмотрел, как в других монастырях. И, конечно, видел, что я вцепилась в руку своего ребенка: не отпусти! Но отвел глаза и тихо сказал: «У нас устав такой». И улетел.

Устав – дело серьезное. Мы пошли на службу в надвратный храм. А после службы я не утерпела и, когда в храме никого не осталось, пошла жаловаться (мысленно, конечно) преподамному Амвросию Оптинскому, к его иконе: «Вот, старец, ты знаешь, как мы тебя любим, как долго к тебе ехали. А теперь нам негде ночевать... Я на эту «мужскую половину» ребенка с тобой отпускаю, так и знай».

Потом мы пошли в скит. Вернулись в монастырь. Мой ребенок мужественно пошел туда, куда его отправили, а я присела на какой-то скамеечке. И вдруг сын вернулся: «Мама, гостинник Леонид нам ключи дал. Спросил, это ты с мамой приехал из Москвы? – и дал ключи. Пойдем, он мне показал комнатку на втором этаже, где мы можем вдвоем переночевать».

Мы открыли эту комнатку: на свежевывытом полу лежали два совершенно новых матраца, на них новые солдатские одеяла. А рядом с матрацами были заботливо поставлены два стульчика. Ну просто королевские покои, при той-то разрухе.

Стремительно вошел наш добрый гостинник. В руках у него было не распакованное еще импортное белье необыкновенной красоты. Слов моей благодарности он явно не слышал.

(Окончание на 2-3-й стр.)

Слово пастыря

Если человек сочетает свои усилия с молитвой, если испрашивает на свою жизнь благословение у Бога, то все в этой жизни спорится. А когда теряем веру, когда теряем связь с Богом, перестаем молиться и вообще о Боге перестаем думать, тогда и Господь отходит от нас – тихо, незаметно. И человек предоставляется самому себе. Сам по себе человек может быть очень сильным, но он не сильнее существующих в этом мире умноженных сил, каждая из которых толкает людей к совершению греха. Мы называем это искушениями. Человек подвергается искушениям тогда, когда становится слабым, а слабым становится тогда, когда теряет связь с Богом. ф.

*Из слова после посещения храма
Спаса Нерукотворного Образа
в Кировске, 19 августа 2016 года*

***

Если говорить об исторических примерах присутствия Бога в человеческой жизни, то они бесчисленны. И если мы, несмотря на все это, живем так, будто Бога и нет, то ответа на нашу молитву не будет, ибо вера есть неременное условие вхождения Бога в нашу жизнь. И речь идет не только о личной жизни, ведь мы хотим, чтобы Господь присутствовал в наших общественных отношениях, чтобы из них исторгалось зло, неправда, насилие, злоба, коварство – все то, что разрушает человеческие отношения, то, что отбрасывает людей и целые общества далеко назад, то, что мешало поступательному развитию общественной жизни и общественных отношений.

Вот почему мы должны открывать навстречу Богу свои сердца и просить не только о своем, но и о стране нашей, о народе нашем, о властях и воинстве и особенно о детях и молодежи нашей. Вот почему мы и строим новые храмы, – чтобы люди XXI века, соединив свои знания, свой опыт, свои мысли с глубокой верой, могли по-настоящему преобразовать самих себя и окружающий мир. И да поможет нам Господь охранить веру, да поможет Он нам осознать, что Бог входит в нас, по нашему приглашению, не разрушая ту силу, которой Он Сам нас наделил – великую силу человеческой свободы. ф.

*Из слова после Литургии
в храме Живоначальной Троицы
в поселении Троицк г. Москвы,
23 июля 2017 года*

«Любовь, брат, не умирает...»

(Окончание.)

Начало на 1-й стр.)

Сказал, опустив голову, тихо, сокрушенно: «Больше ничего сделать не могу». Вдруг, вспомнив, добавил: «Да, вот еще что, — завтра после ранней обедни из монастыря в Москву машина пойдет. Найдите меня, я вас устрою».

— Нет, нет, спасибо, — испуганно сказала я. — Мы уж как-нибудь, своим ходом. — И подумала: тебе ведь, наш ангел-гостинник, итак, наверное, достанется от монастырского начальства за то, что ты неизвестно кого столь облагодетельствовал.

— Ну, как хотите, — сказал отец Трофим, тогда еще послушник Леонид, — а то ведь машина-то все равно пойдет... — И улетел.

Позднее узнала, что сам он спал всего три часа в сутки, на коленях, опершись руками о стул, и что его постоянно за что-то ругали, а он при этом радовался. Встав раньше всех, о. Трофим бежал на просфорню — надо было до службы успеть испечь просфоры, потом мчался в коровник — коров подоить, потом работал в поле на тракторе, а потом еще и паломников устраивал. Молился за всеми монастырскими службами, при храме был и пономарем, и звонарем. Келейное правило большое у него было. И непрестанная Иисусова молитва.

Мама о. Трофима рассказывала, что в сибирскую деревню, состоящую из нескольких домов, их прадед приехал из Петербурга, где служил при дворе Николая II. После революции он должен был скрываться, потому поселился в глухой тайге. Там и родился новомученик отец Трофим. В детстве он был подпаском у очень сурового пастуха, приглядывавшего за деревенским стадом. Местные жители часто слышали, как тот постоянно ругал мальчику, а он молчал. Мама сказала ему: «Сынок, уходи, как-нибудь обойдемся», — а жили они после смерти отца очень бедно. Но мальчик вдруг стал горячо защищать пастуха: «Он очень хороший!».

И еще она говорила о том, что, работая после армии на рыболовецком траулере, сын ее часто плавал «в заграничку» и оттуда всем привозил красивые вещи. «А себе-то почему ничего не привезешь, сынок?», — спрашивала она. — «Да мне ничего не надо, я вот вижу вашу радость и сам радуюсь». Если же случайно у него появлялась какая-то красивая вещь, например, кожаная куртка, ее обязательно кто-нибудь просил пронести. Он тут же отдавал и больше не вспоминал о ней.

Но это все жизнь внешняя, за которой стояла жизнь духовная. Мальчик, выросший в сибирской деревне, где на много верст вокруг ни одной церкви не было, с детства думал о смысле жизни, убежал куда-то в леса Бога искать. Юношей, когда работал на железной дороге, писал в своем дневнике: «Дорога — как жизнь. Мчится и кончается. Необходимо почаще включать тормоза возле храма и исповедовать грехи свои — мир идет к погибели, и надо успеть покаяться». И еще такое: «Самое главное в жизни — научиться по-настоящему любить людей».

В Евангелии его потрясли слова Господа: «В мире скорбны будете, но дерзайте, ибо Я победил мир».

Мать, первый раз приехав к нему в еще разрушенный монастырь, сказала: «Вернись домой, сынок». А он ей ответил: «Я сюда не по своей воле приехал, меня Матерь Божия призвала». Еще она вспоминала, что он собрался ехать в Оптину сразу же после ее открытия. Но тут у него украли документы и деньги. Тогда он решительно сказал: «Хоть по шпалам, а уйду в монастырь». И по воле Божией как-то быстро удалось документы выправить, деньги собрать.

После ранней обедни мы с сыном шли через лесок к Козельску. Я думала о том, что с нами произошло. Явно что-то важное, но что? Позднее поняла: мы ехали в Оптину с любовью к ее старцам и за любовью старцев. И получили, по милости Божией, это драгоценное сокровище через отца Трофима.

Он, по рассказам многих паломников, был по своему духовному устройению близок к оптинским старцам. Разговаривал с ними шутливыми, краткими изречениями, часто в рифму, как старцы Амвросий и Нектарий. Например, увидит курящего за оградой монастыря палом-

ника и с улыбкой скажет: «Кто курит табачок, не Христов тот мужичок». И, говорят, многие тут же навсегда бросали курить. А тем, кто мог вместить, говорил такое: «Согнись, как дуга, и будь всем слуга». Или: «Через пустые развлечения усиливаются страсти, а чем сильнее страсть, тем труднее от нее избавиться». Некоторые удостоились услышать от него: «Как кузнец не может сковать ничего без огня, так и человек ничего не может сделать без благодати Божией». Рассказывали также, что даже когда его откровенно обманывали, он был совершенно спокоен. Старался ничем не выделяться, но всегда вовремя появлялся там, где был нужен.

Однажды шофер, привезший на автобусе паломников, осудил доброго гостинника за то, что тот, выйдя за ограду монастыря, помог молодой женщине донести тяжелые вещи. Отец Трофим сказал ему: «Прости, брат, что смутил тебя, но инок — это не тот, кто от людей бежит, а тот, кто живет по-иному, то есть по-Божьи».

Второй раз я увидела отца Трофима, когда мы небольшой группой православных журналисток приехали в Оптину осенью 1990 года записать беседу со вторым настоятелем монастыря архимандритом (ныне архиепископом Владимирским и Суздальским) Евлогием. Обитель при нем изменилась неузнаваемо, вернула свое прежнее благолепие. Во Введенском соборе уже можно было совершать богослужение, все строения монастыря сияли белизной, дорожки были выложены плиткой.

В конце беседы он сказал: «А размещу я вас по-королевски, вы будете ночевать в кельях, где у меня шамординские матушки останавливаются». Тут же дернул какой-то шнурок, висевший справа от него, и в комнату все так же стремительно влетел отец Трофим. Его умные, внимательные глаза выражали готовность немедленно исполнить любое послушание настоятеля.

— Брат, отведи их в покои, — сказал будущий владыка Евлогий.

Отец Трофим повел нас в эти самые покои, но вдруг остановился недалеко от помоста временной колокольни, рядом с тем местом, где вскоре будут скромные могилки оптинских новомучеников, велел подождать. Этот помост, на котором были принесены в жертву иноки Трофим и Ферапонт, они сделали своими руками. Ныне он — место поклонения для паломников, к нему прикладываются как к святыне. И к скромным крестам на их могилках тоже. Нам бы тогда стоять и молиться на этом святом месте, но мы ничего не поняли, стали что-то оживленно обсуждать.

И тогда на крыльцо своей кельи вышел настоятель. Он смотрел на нас взглядом Христа, молившегося о проходившей мимо Его Креста толпе: «Прости им, Господи, ибо не ведают, что творят». Предчувствовал ли он, как сами новомученики, их убийство на этом месте? — Не знаю. Но то, что это место святое, несомненно чувствовал. Нам стало стыдно, мы вытянулись в струнку, как гвардейцы на параде, и кто-то из нас сказал:

— Простите, отец Евлогий.

— Да-да, — ответил он грустно, — да-да. — И ушел.

Прилетел отец Трофим. Жестом показал, чтобы мы следовали за ним. Привел в покои. Больше на этом свете мне не довелось его увидеть. Рассказывали, что он, вечно неутомимый, вдруг на службе в самом начале Страстной седмицы присел на ступеньку у алтаря и тихо сказал: «Я готов, Господи». Братия не поняли — о чем это он? После Пасхальной службы новомученики за праздничным столом почти ничего не ели, первыми встали и отправились на послушания. Иеромонаху Василию надо было идти в скит, исповедовать, а отцу Трофиму и отцу Ферапонту на тот самый помост колокольни — звонить к ранней обедне. Первым меч убийцы пронзил о. Ферапонта и сразу вслед за ним — о. Трофима. Но он в то время, когда боль пронзала все его тело, собрав последние силы — силы любви к людям — ударил в набат. Братии заподозрили неладное и прибежали к колокольне. Больше на территории обители никто не был убит, но на дороге в скит этот то ли сатанист, то ли тяжко больной человек настиг и пронзил своим мечом иеромонаха Василия.

В третий раз я приехала в Оптину к отцу Трофиму и убиенным вместе с ним братьям на их могилки. Была Светлая седмица. Солнце «играло». Птички пели. Долго простила прощания у отца Трофима за то, что так и не смогла ничем в своей жизни ответить на явленную мне оптинскую любовь во Христе. Ответить на нее можно было только такой же любовью к людям. А у меня ее не было.

Пошла по дорожке среди сосен в скит. Увидела, что навстречу мне идет, склонив голову, углубленный в молитву старец. Подумала: вот, приезжаем мы сюда, грешные, сутенные, мешаем святым людям молиться. Прижалась к сосне, хотелось от стыда провалиться сквозь землю. И тут старец поднял голову, посмотрел на меня молодыми, искрящимися глазами отца Трофима и сказал: «Христос Воскресе!».

Рассказывали, что когда на могилку о. Трофима приехал его брат, он в недоумении сказал: «Как же так, ты умер...». То есть у него в голове это не укладывалось. И тогда он явно услышал: «Любовь, брат, не умирает...»

Ангел молчания
(Отец Ферапонт)

Ангелом молчания отца Ферапонта называли сами монахи. А они лишнего не скажут. Одному брату о. Ферапонт объяснил, что молчит не потому, будто такой обет дал, а просто понял, как легко словом обидеть человека, лишит душевного мира. Вот потому лучше поменьше говорить.

Родом он был тоже из глухого сибирского поселка. Убежал оттуда – там было духовное болото, по его убеждению. Ни одного храма в округе, молодежь спивается. В каком-то маленьком сибирском городке учился на лесника. Там непьющие студенты занимались йогой. Вот парадокс советской власти: в храм молодым нельзя, а в секту – пожалуйста. Пить, курить – тоже можно сколько угодно.

Отец Ферапонт, тогда Владимир Пушкарев, после первых же занятий все про йогу понял. Он писал другу: «Йога – то же болото, что и у нас в поселке, только там упиваются вином, а здесь – гордостью».

После окончания училища несколько лет жил один среди лесов близ Байкала. Понял: где нет храма, нет жизни. Одному брату признавался: «Если бы ты знал, через какие страдания я шел ко Христу». Рассказывал, что там, в лесу, подвергался прямому нападению бесов. Но зато приобрел страх Божий. Говорил: «Страх вечных мучений очищает от страстей». Там, в лесу, научился молчать не только устами, но и помыслами.

Из прибайкальских лесов поехал в Ростов-на-Дону, к дяде. Там работал дворником при храме Рождества Богородицы. Ездил в Троице-Сергиеву лавру, где старец Кирилл (Павлов) посоветовал ему идти в монастырь. В Оптину пустынь пришел в 1990 году. Нес послушание на кухне, самое трудное. Если иногда и говорил что-нибудь, то очень смиренно и осторожно, чтобы никого не смутить и не огорчить. Никогда никого не осуждал.

В 1991 году приехал в свой родной поселок, со всеми простился. Родственникам сказал: «Больше вы меня никогда не увидите».

Причину своего молчания объяснял еще и так: «Кто молчит, тот приобретает свет в душе, ему открываются его страсти». Не пропускал ни одного богослужения, был виртуозным звонарем. Имел дар непрестанной Иисусовой молитвы.

Перед Пасхой 1993 года раздал все свои вещи. И длинный меч убийцы первым пронзил его. Молись о нас, ангел молчания, инок Ферапонт! Когда пишешь о тебе, стыдно за свою болтливость.

Проповедник
(Иеромонах Василий)

Об отце Василии, в миру Игоре Рослякове, выпускнике факультета журналистики МГУ, выдающемся спортсмене (он входил в сборную страны по водному поло) написано несколько книг хорошо знавшими его людьми, изданы его проповеди и духовные стихи. На сайте Оптиной пустыни есть его подробное жизнеописание. Потому хочу закончить рассказ об оптинских новомучениках летописной записью отца Василия о первой Пасхе в обители:

«Сердце как никогда понимает, что все, получаемое нами от Бога, получено даром. Наши несовершенные приношения затмеваются щедростью Божией и становятся не видны, как не виден огонь при ослепительном сиянии Солнца... Светлая седмица проходит единым днем... Время возвращается только в Светлую субботу... Восстанавливается Оптина пустынь, восстанавливается правда. Глава же всему восставший из Гроба Христос: «Восстану бо и прославлюся!».

Русский Дом
18 апреля 2008 г.

Распятого солнца восход,
Благая весть.
Василий, Трофим, Ферапонт
Христос воскрес!

Но вдруг, усеченный мечем,
Трезвон затих.
Монахи в последний поклон
К земле живых.

А Оптина вся замерла,
Не верит в смерть.

В сердцах словно колокола:
Христос воскрес!

Страдания Чашу испить
Всем, кто с Христом.
Звонница. Лестница ввысь
Инокам трем.

Распятые души встают,
Поправши смерть.
Да немолчно нам вопиют:
Христос воскрес!!!

Отцы пустынноики и жены непорочны...

Отцы пустынноики и жены непорочны,
Чтоб сердцем возлетать во области заочны,
Чтоб укреплять его средь дольних бурь и битв,
Сложили множество божественных молитв.

Но ни одна из них меня не умиляет,
Как та, которую священник повторяет
Во дни печальные Великого поста
Всех чаще мне она приходит на уста.

И падшего крепит неведомою силой:
Владыко дней моих! дух праздности унылой,
Любоначалия, змеи сокрытой сей,
И празднословия не дай душе моей.

Но дай мне зреть мои, о Боже, прегрешенья,
Да брат мой от меня не примет осужденья,
И дух смирения, терпения, любви
И целомудрия мне в сердце оживи.

Александр Пушкин

Священномученик Сергей (Воскресенский) 1890-11.03.1933

Архимандрит Дамаскин (Орловский), ответственный секретарь Церковно-общественного совета при Патриархе Московском и всея Руси по увековечению памяти новомучеников и исповедников Церкви Русской, руководитель фонда «Память мучеников и исповедников Русской Православной Церкви», клирик храма Покрова Божией Матери на Лыщиковой горе (Москва), www.fond.ru

Отца Сергея приговорили к заключению и отправили в лагерь на Беломорско-Балтийском канале. В суровых условиях он пережил там осень и зиму, но в начале весны отца Сергея посадили в камеру с уголовниками. Они сняли с него одежду и выставили на мороз. Это стало последним ударом по измученному тяготами заключения священнику...

***

Священномученик Сергей родился в 1890 году в семье настоятеля Иоанно-Предтеченской церкви в селе Дьякове (ныне Коломенское) Московской губернии Сергея Воскресенского. По окончании в 1915 году Московской духовной семинарии он был назначен учителем словесности в школу при Князе-Владимирском монастыре в Подольском уезде, основанном в 1890 году в живописном холмистом месте при селе Филимонки. В 1916 году Сергей Сергеевич обвенчался с дочерью священника Александрой Николаевной Никольской и был рукоположен во диакона, а в 1920 году - во священника ко храму Иоанна Предтечи на место почившего отца.

Здесь отцу Сергию пришлось столкнуться с гонениями против Церкви, наступившими после захвата большевиками власти. В 1923 году комиссия под председательством жены Льва Троцкого, Н. И. Троцкой, составила акт о закрытии храма Иоанна Предтечи и передаче его музейному отделу Главнауки. В том же году власти Москвы постановили забрать храм у верующих, а его здание передать отделу музеев и охраны памятников искусства и старины Народного комиссариата по просвещению, и в феврале 1924 года храм был передан отделу.

Церковная община не согласилась с этим решением и подала ходатайство об открытии храма. «Православный приход, объединенный нашим храмом, - писали прихожане, - включает в себя четыре больших подмосковных поселения <...> с населением тысяча девятьсот - две тысячи душ. <...> Среди нас нет не только неверующих, но даже маловерующих. Воспитанные на началах старого деревенского уклада жизни, мы привыкли всю нашу трудовую жизнь, во всех ее этапах, связывать с кругом жизни церковной, подчиняя первую последней, и до конца дней своих мы не изменим этим своим традициям». Это ходатайство власти не удовлетворили.

После закрытия храма Иоанна Предтечи отец Сергей перешел служить в расположенный неподалеку храм Казанской иконы Божией Матери в селе Коломенском, где действовал тогда еще второй храм - во имя великомученика Георгия. Жители Коломенского в то время держали большие огороды и сады и зарабатывали на жизнь продажей ягод, фруктов и овощей, которые поставлялись ими на рынок Москвы. Чтобы прокормить семью, отец Сергей вместе с крестьянами возил на рынок малину, яблоки и вишню.

В 1929 году администрация музея стала ходатайствовать о закрытии храмов и здесь. «При проведении культурно-просветительной работы по музею архитектурных и бытовых памятников в селе Коломенском весьма существенным недочетом является наличие на территории му-

зейной усадьбы двух действующих церквей, - писали музейщики. - Территория Коломенского привлекает ежегодно все возрастающее количество трудящихся и является одним из наиболее популярных мест массовой экскурсионной работы; помимо обычных пешеходных экскурсий по осмотру музея, здесь устраиваются парходные массовки с музыкой, физкультурой, купанием, организуется игры, танцы и т. п.

При этой постановке разумного отдыха трудящихся, основной целью которого ставится зарядка бодростью и жизнерадостностью, вклинивается большим диссонансом близость церквей с их обрядностью, колокольным звоном, крестными ходами... Главнаука просит о ликвидации отправления религиозного культа в двух церквях села Коломенского: Георгиевской и Казанской».

Прихожане в ответ направили властям заявление с просьбой об оставлении хотя бы Казанской церкви. Ходатайство их было на этот раз удовлетворено. Однако на пороге уже стояли широкомасштабные гонения на Русскую Православную Церковь, и в ночь с 15 на 16 марта 1932 года отец Сергей и вместе с ним семь прихожан-крестьян были арестованы. Тюрем тогда не хватало, и первое время арестованных содержали в специально устроенном на этот случай концлагере в селе Царицыне. Священника и крестьян обвинили в том, что они распространяли антисоветские слухи, источником которых был, в частности, подросток, житель села Дьяково, рассказывавший, что однажды, когда он ехал из Москвы, то у местечка близ Перервы, называемого Иоанн Богослов, ему повстречался незнакомый старик и попросил подвезти его. Вскоре старик предложил ему оглянуться назад. Обернувшись, тот увидел, что по дороге рекой течет кровь, а над Москвой мчится конница. Старик предложил посмотреть в правую сторону. Там была группа работающих крестьян-единоличников. Мальчик посмотрел налево. Здесь стояли колхозники, одетые в походящие на саваны желтые халаты, а впереди них шла толпа с музыкой. Хотел было мальчик расспросить старика, но того уже не было. Вызванный на допрос в ОГПУ, он подтвердил, что действительно все это видел. «Что это был за старик, я совершенно не знаю», - завершил он свой рассказ. «Кто тебя научил распускать подобные слухи?» - спросил его следователь. «Никто меня не учил», - ответил подросток.

Церковь Иоанна Предтечи в селе Дьякове. Здесь служил отец священномученика, а после его смерти сам отец Сергей. В 1923 году храм был закрыт

На следующий день после ареста священника и прихожан уполномоченный ОГПУ по Московской области выписал постановление: «Рассмотрев агентурное дело “Теплая компания” антисоветской группировки селения Дьяково, по которому проходит кулацко-зажиточный элемент, <...> который под руководством Воскресенского на протяжении 1931 года <...> ведет антисоветскую работу, направленную к срыву мероприятий партии и советской власти в деревне, <...> постановил агентурное дело “Теплая компания” ликвидировать путем ареста проходящих по нему граждан».

Допрошенные затем свидетели показали, что отец Сергей «среди верующих говорил, что придет время, когда народ будут хоронить без отпевания. <...> Скоро и у нас под Москвой устроят голодную степь, всех лучших крестьян советская власть раскулачивает, арестовывает, ссылает, работать некому. <...> Весь этот гордиев узел, который завязали большевики, может разрубить лишь война». «Священник Сергей Воскресенский говорил: “Советская власть - это красные помещики, которые притесняют трудовое крестьянство, разоряют и закрывают храмы. Но мы должны со своей стороны не примиряться с этими гонениями, а действовать, как первые христиане”. Воскресенский часто говорил проповеди, в которых призывал крестьян крепиться: “Наступило тяжелое время для верующих, всюду на нас гонение, нам нужно крепко держаться за Церковь. Наступило последнее время, но Церковь останется непобедимой”. Будучи у меня в доме и увидев у меня разукрашенные портреты Ленина и членов реввоенсовета, он говорил: “Вместо икон портреты стали украшать”».

Среди других свидетелей был вызван священник Казанской церкви Николай Покровский. «Осенью 1931 года при подведении итогов хозяйственного года была устроена выставка работы колхозов, - показал он. - Я, проходя по селу Коломенскому с Воскресенским, попросил у него посмотреть выставку, на что последний ответил: “Что там смотреть? Если бы это была собственность крестьян, тогда другое дело, а то все колхозное, а у крестьянина осталась одна голова собственная, и та скоро с плеч долой полетит”».

20 марта следователь допросил отца Сергея. Отвечая на его вопросы, священник сказал: «Сельсовет Дьякова в 1929 году произвел изъятие у меня части имущества - стульев, столов, шкафов и так далее. Часть из них мне была возвращена, часть не возвратили. Я облагался в индивидуальном порядке налогом. По ягодам мне было дано твердое задание, часть моего дома сельсовет использовал под жительство рабочих овощного комбината, вынудив мою семью проживать в тесноте. При реализации займа мне было предложено подписаться на заем в 200 рублей, я предложил 50. В результате я на заем не подписался. Все это вызывало во мне недовольство советской властью и ее представителями на местах - сельсоветом. Сдавая ягоды советской власти по твердым ценам, я был лишен возможности получить за сданную продукцию хлеб и промтовары, так как продукты питания приходилось покупать на рынке, платя за них по рыночным ценам. <...> несмотря на все это, я <...> имеющееся у меня недовольство окружающим не передавал и агитацией не занимался. Виновным себя в предъявленном мне обвинении не признаю».

В 1916 году учитель словесности Сергей Сергеевич Воскресенский обвенчался с дочерью священника Александрой Николаевной Никольской и был рукоположен во диакона

26 марта 1932 года следствие было закончено. В обвинительном заключении следователь написал: «В период проведения мероприятий партии и советской власти в части колхозного строительства село Дьяково под влиянием кулацко-зажиточной прослойки оказалось в стороне от колхозной жизни, за исключением некоторой бедняцко-батрацкой части, которая к организации колхоза приступила в конце 1929 года, организовав колхоз из нескольких хозяйств. В последующее время колхоз разрастался за счет бедняцко-среднеяцких масс и кулачества, и уже в 1930 году село Дьяково было коллективизировано на 90 %».

В результате засоренности дьяковского колхоза кулацко-зажиточным элементом, благодаря антиколхозной деятельности его <...> колхоз распался, и в нем оказалось только 17 бедняцко-среднеяцких хозяйств (из числа имевшихся 186). <...>

По поступившим в райотделение сведениям, группа из кулацко-зажиточного элемента под руководством <...> Воскресенского вела антисоветскую агитацию, направленную к срыву мероприятий партии и советской власти. <...> Как один из методов борьбы с мероприятиями советской власти, обвиняемые распространяли слухи о гибели советской власти и нелепые провокационные слухи о том, что один из колхозников села Дьякова якобы видел видение...»

6 апреля обвиняемых перевезли в Бутырскую тюрьму в Москву. 4 августа 1932 года тройка ОГПУ приговорила отца Сергея к трем годам заключения в исправительно-трудовом лагере. Он был отправлен в лагерь на Бело-морско-Балтийском канале, располагавшийся неподалеку от железнодорожной станции Медвежья Гора. В начале марта следующего года отца Сергея посадили в камеру с уголовниками. Они сняли с него полушубок, затем оставшую одежду и выставили на мороз, который в те дни был весьма жесток. Священник Сергей Воскресенский скончался 11 марта 1933 года и был погребен в безвестной могиле. ф.

Хорошо умереть на Пасху

18 апреля - день убиения оптинских иноков

В Пасху Христову как победители мы стоим уже во вратах вечности. Но впереди еще путь. Если мы будем отвергаться своей воли, ища воли Божией, Воскресший Христос будет с нами. Если мы будем следовать своим желанием, Пасха оставит нас. Святые отцы говорят, что самое большое наказание для человека, когда Бог оставляет его своей воле.

Пасха дается нам, чтобы жизнь наша стала пасхальной. Если мы не примем свет Пасхи во все наши дни, как служение Богу и людям, наша жизнь будет бесполезной. Если мы хотим, чтобы благодать Пасхи Христовой снова и снова возвращалась к нам, желание, решимость такого служения должна определять наш путь. Пасха приходит Крестом, и мы должны умереть для себя, чтобы стать живыми, чтобы другие могли жить. Христос говорит: «Не бойтесь погубить душу свою в этом служении». Кто исполняет такое служение, тот душу свою спасает для

Пасхи вечной. Если мы будем хранить в нашей памяти этот завет, мы будем жизнью своей осуществлять Пасху, и все суетное и мелочное, пустое и греховное будет исчезать как дым. Все будет заполнять свет Воскресения.

Об оптинских новомучениках иеромонахе Василии (Рослякове), иноках Трофиме (Татарникове) и Ферапонте (Пушкареве) написано уже немало. Особенно известна книга «Пасха красная». Что подвигло этих молодых людей в наше время принять монашество? Все трое имели незаурядные дарования и могли прекрасно реализовать их, оставаясь верующими, в миру или даже служа Церкви в священном сане. Отец Василий успешно окончил факультет журналистики МГУ и институт физкультуры. Ему был дан дар слова, он писал хорошие стихи, обладал прекрасным голосом. Он был мастером спорта международного класса, капитаном сборной МГУ по ватерполу, членом сборной СССР. У отца Ферапонта, лесника по образованию, был и художественный талант. Он был столь искусен в резьбе по дереву, что даже профессиональные художники учились у него.

(Окончание на 6-й стр.)

Хорошо умереть на Пасху

(Окончание.)

Начало на 5-й стр.)

А отец Трофим был настоящим русским умельцем, мастером на все руки. Неслучайно в монастыре он нес послушания старшего звонаря, пономаря, переплетчика, маляра, пекаря, кузнеца, тракториста.

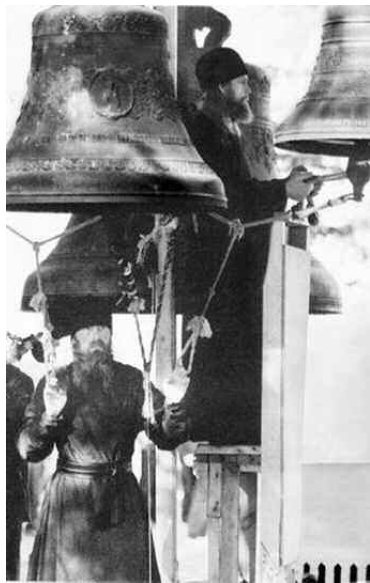
Чем же увенчалась жизнь этих иноков? Все трое братьев были убиты на Пасху, исполняя послушание: звонари отец Трофим и отец Ферапонт - во время пасхального звона, отец Василий - по дороге на исповедь в скит. Первым, мгновенно, был убит отец Ферапонт. Следующий удар был нанесен отцу Трофиму, который все же смог после этого ударить в набат и поднять по тревоге монастырь. Тем же мечом с гравировкой «сатана 666» был смертельно ранен отец Василий. Умиравшего перенесли в храм, положив возле раки мощей преподобного Амвросия. Целый час ухаживала из него жизнь. Все его внутренности были перерезаны. В таких случаях люди кричат от боли. Отец Василий молился. И с ним молилась, заливаясь слезами, Оптина. А на его лице, как сказал на панихиде духовник монастыря, уже отражалась пасхальная радость.

Почему поступают на семинарию, принимают монашеский постриг, становятся священниками? Существует призвание свыше, когда блеснет однажды душе человеческой свет Пасхи Христовой, ни с чем не сравнимый. Все заключается в том, чтобы всегда следовать за этим светом. Потому что, как свидетельствует преподобный Макарий Великий, один из основателей монашества, он знал немало таких, кто был чрезвычайно благодатствован Господом, а потом пал самым жалким образом.

Оптинские мученики напоминают нам о двух самых главных вещах: о верности дару Божию даже до смерти и о том, что верность обретается всежизненным покаянием. Потому что в покаянии, как и в мученичестве, - полнота исполнения заповедей Божиих. Эти иноки как бы говорят всем нам: «Будем мудрыми и безумными, как настоящие христиане». Почему безумными? Потому что быть христианином значит жить одновременно в двух временах - в настоящем и в вечности. Когда мы молимся у их могил в Оптиной, Господь нередко дает нам пасхальное утешение, чтобы мы возрастали в понимании и внимании к тому, как надо строить нам нашу жизнь.

В размышлении об оптинских мучениках не забудем этого слова - Пасха, которое означает «переведение, переход». Бог дал нам время, чтобы мы обрели на него вечность. Вечную Пасху. Пасха - это любовь Христова. Кто причастился Пасхе, тот будет всегда учиться Христовой любви. Если мы хотим научиться любить нашего ближнего как самого себя, жить по заповедям Христовым, это непременно приведет нас в Гефсиманский сад, где Христос молился за весь мир. Или к звоннице Оптиной пустыни, где молитва у Креста Христова соединяется с пасхальной победой. И нам откроется тайна Крестной заповеди на подлинной глубине.

По той же самой причине путь монашества - весь сугубое покаяние. Неужели монахи больше всех согрешили и нуждаются больше всех в покаянии? Мы знаем, что Воскресением Христовым всему миру дается благодать покаяния. Вовсе необязательно, чтобы это были грубые грехи, которые, по слову апостола, не должны даже именоваться у нас. Разумеется, лучше не допускать греха, но покаяние как пламя может очистить душу всякого человека и восстановить все потерянное. Эти трое иноков были истинными монахами - молитвенниками и аскетами. Они как бы предчувствовали свою скорую встречу в вечности с Господом и готовились к ней очищением сердца последним в своей жизни Великим постом. Особенно в течение Страстной Седмицы, которая вся, как на исповеди, - предстояние перед Крестом и Евангелием. Незадолго до

смерти инок Трофим сказал своему другу: «Ничего не хочу - ни иеродиаконом быть, ни священником. А вот монахом быть хочу - настоящим монахом до самой смерти». «За несколько часов до убийства во время пасхального богослужения у меня исповедовался инок Ферапонт, - рассказывает иеромонах Д., - я был тогда в страшном унынии, и уже готов был оставить монастырь, а после его исповеди вдруг стало как-то светло и радостно, будто это не он, а я сам поисповедовался: «Куда уходит, когда тут такие братья!» Так и вышло: он ушел, а я остался» («Пасха красная»).

Покаяние не имеет конца на земле, потому что конец покаяния будет означать наше уподобление Христу. «Если мы не во всем уподобимся Ему, как можем мы быть вечно с Ним?» - вопрошает преподобный Симеон Новый Богослов. Это невозможно ни для Него, ни для нас. Но Пасха Христова открывает нам путь любви и покаяния, смирения и терпения. И другой Богослов - возлюбленный ученик Христов Иоанн говорит: «Когда увидим Его, будем подобны Ему». А апостол Павел свидетельствует: «Если Христос не воскрес, мы несчастнее всех человеков». Почему? Потому что любовь Христова в этом мире всегда распятая. Кто идет путем покаяния, у того жизнь будет непрерывным страданием и все большим приобщением Кресту, которым приходит радость всему миру. Оттого что Бог есть любовь, а не потому что с помощью Божией легче жить, становятся христианами. В христианской жизни мы счастливы только из-за Христа, сознанием того, что Он - Истина, и более не из-за чего другого. По истине монашество - добровольное мученичество, но высшая милость и честь - пострадать за Христа даже до крови. Отец Василий (Росляков) сказал незадолго до мученической кончины: «Я хотел бы умереть на Пасху под звон колоколов». А инок Трофим еще до поступления в монастырь говорил: «Хорошо тем людям, которые приняли мученическую смерть за Христа. Хорошо бы и мне того удостоиться». Кажется, мы слышим сквозь их последний вздох: «Господи, и мне это дано?», как бы перекликающийся с восклицанием праведной Елисаветы при ее встрече с Божией Матерью: «Откуда мне сие?»

Место погребения Оптинских новомучеников.
Фото: А. Поспелов / Православие.Ру

Мы сознаем, как далека наша жизнь от святости этих мучеников. Но они говорят всем ищущим Господа: «Не бойтесь». Не следует сравнивать себя ни с кем. Каждый из нас, как бы ни был он мал, велик перед вечностью. Бог хочет установить с каждым человеком единственные и сокровенные отношения. Неудивительно, что многие сегодня из тех, кто стремится, по слову апостола, сражаться до крови, подвизаясь против греха, обращаются за помощью к ним. Они победили Пасхой Господней, которая дала им вечную жизнь. До окончания века, до Второго Пришествия Христова будет идти сражение сил зла против сил любви, сил тьмы против сил света. Это сражение становится особенно ожесточенным после Воскресения Христова. Напряжение его будет возрастать по мере приближения Дня Господня - всеобщего воскресения мертвых. Можно даже усомниться порой в конечном исходе - так силы зла возобладают в мире. Но Воскресение Христово, Его победа над смертью ясно показывают, что силы любви решительно восторжествуют.

Протоиерей Александр Шаргунов
Русский Дом
18 апреля 2011 г.

«Духовность России - это Христос»

Предсмертное интервью иеромонаха Василия (Рослякова)

Мы публикуем последнее известное интервью, которое отец Василий дал незадолго до Светлого Христова Воскресения 1993 года, когда он и еще два инока - Трофим и Феррант - были убиты рукой сатаниста в Оптиной пустыни.

- Отец Василий, как Вы думаете, оживет ли Оптина пустынь, возродится ли она?

- Святое Писание говорит нам, что Бог не есть Бог мертвых, но есть Бог живых. У Бога все живы. Мы служим именно такому Богу, Который воскрес и победил воскресением смерть; у Него нет смерти, в Боге нет смерти, она существует только вне Бога. Поэтому вполне естественно, что Оптина жива, для человека верующего даже вопроса такого не существует.

- И старцы живы?

- Конечно.

- Все-таки, духовность России - что это такое?

- Духовность России - это Христос. Он говорит нам: «Я есмь истина, и путь, и жизнь». А постольку поскольку духовности не может быть вне Христа, для России она одним словом выражается - Христос. Вот и все.

- Может быть, отсюда и наша трагедия?

- Без сомнения.

- Мы преданы Христу, и поэтому нас так мучают?

- Без сомнения, так. Христос сказал: «В мире скорбны будете, но не бойтесь, Я победил мир». Так что обетования Господни непреложны, и никто никогда их отменить не может. Мы и живем сегодня только по этим обетованиям. Только так.

- Я понимаю, что это, наверное, нельзя спрашивать, и все-таки, скажите, насколько это возможно, какая Ваша внутренняя жизнь?

- Внутренняя жизнь Оптиной - тайна, таинство. Ведь наша Церковь содержит семь Таинств, если Вы знаете. На этих Таинствах зиждется все. И всякое Таинство имеет какую-то внешнюю окраску - совершаются какие-то молитвы, производятся какие-то действия, - но в это время в этом Таинстве действует Сам Христос, невидимо и незримо. Именно Его благодатью совершается само Таинство. Так и внешняя жизнь Оптиной и ее внутренняя жизнь. Вы внешне видите, а внутреннюю жизнь нельзя рассказать. Опять же: внутренняя жизнь Оптиной пустыни - Сам Христос. Только если мы к Богу приближаемся, мы можем познать эту внутреннюю жизнь. А по-иному она нам никак не откроется. «Аз есмь дверь, - говорит Господь, - аще Мною кто внидет, спасется. И внидет, и изыдет, и пажить обрящет». Вот эта дверь к внутренней духовной жизни Оптиной - Христос.

- И все это несказанно?

- Несказанно, потому что как рассказать о том, как действует Бог? Это невозможно.

- Но можно рассказать то, что ты чувствуешь, например?

- Можно. Возьмите псалмы Давида. Он говорит: «Вкусите и видите, яко благ Господь». Пожалуйста, - вкушайте, и увидите. «Кого люблю, - говорит Господь, - того и наказую», «биет же Господь всякого сына, егоже приемлет». Мы возлюбленные сыны у Бога ради того, что мы содержим истину Православия. Поэтому, естественно, мы и наказываемся, ибо Господь нас особенно любит. Как любой отец, который любит своего сына, без наказания его никогда не оставит. Он наказывает по любви, не по жестокости, понимаете? Мы привыкли к тому, что мы наказываем только с жестокостью. Нам неизвестно такое чувство - любовь, неизвестно, что такое наказание с чув-

ством любви. Господь нас наказывает именно с любовью, ради того, чтобы нас вразумить. Ради этого только нам посылаются какие-то скорби - ради вразумления нашего, чтобы нам познать истину Христову. Вот и все. Поэтому в этом ничего страшного нет, надо быть всегда готовым ко всем скорбям. И я вас уверяю, что нет такого человека на земле, который бы никогда не скорбел, нет. И то, что у нас так - я считаю, что у нас лучше всех. Мы хороши лишь только потому, что мы православные, если мы православные. Не то, что лучше нас нет, но, если мы содержим Православие, тогда мы хорошие.

- А почему Христос выбрал нас?

- Ну, взял и выбрал. Откуда мы знаем Промысл Божий? Когда Он учеников Своих собрал, то сказал им: «Вы думаете, что вы Меня избрали? Нет, но Я вас избрал и поставил служить вас». Почему Господь избрал иудейский народ? Мы не знаем. Почему даровал им святых пророков, Ветхий Завет? Почему Он избрал русский народ и вот так дал ему хранить истину Православия? Мы не ведаем пути Божии, и для нас это закрытая тайна, запечатанная, может быть, даже навсегда. Даже, может быть, после смерти она нам не откроется. Но поскольку этот дар нам дан, мы обязаны его хранить и свято блюсти. А как и почему - это не наше дело.

- Что такое для вас служба?

- Мы совершаем службу, службу Богу. Господь говорит: «Вы Мне будете поклоняться и духом, и истиною, на всяком месте». Вот что такое служба - это общение с Богом, разговор. Молитва - это наш разговор с Богом, Ему предстояние, Ему служение. Поэтому это всегда живо, всегда неумирающе, тут жизнь, тут присутствует Сам Христос.

- А вы не устаете от этой службы?

- Ну мы же не ангелы, конечно, устаем. Мы же люди. Но Господь нас укрепляет настолько, насколько Он это считает нужным. Дает нам и уставать, и потрудиться. Преподобный Исаак Сирский пишет: «Если твоя молитва была без сокрушения сердца и без труда телесного, то считай, что ты помолился по-фарисейски». Так что надо и пот пролить, и тело свое понудить, ну и душу, конечно. Так что это труд. А помните, как говорит старец Силуан: «Молиться за мир - это кровь проливать». Вот такой труд молитвенный. А вот, пожалуйста, возьмите Евангелие - как Господь молился о Чаше: «И пот Его был, как капли крови». Вот какая молитва может быть. Нам она неведома и непонятна, но такая молитва тоже есть.

- Получается, чтобы достичь чего-то, нужно всегда пройти через боль?

- Обязательно. Это закон жизни. Его установил Сам Господь. Зачем же Он претерпевал Крест, зачем Он терпел?

- Каждый через свой крест должен пройти, иначе ничего не получится во внутренней жизни?

- Никак не получится. «Возьми крест свой и следуй за Мной», - это же Господни слова. Значит, надо обязательно взять крест и с верою идти за Господом. «Отвергнись себя, возьми свой крест и следуй за Мной, и будешь Моим учеником». Вот и весь закон. Но в основном, как учат Святые Отцы, все то, что исполняет инок, должен исполнять и благочестивый христианин. За исключением, пожалуй, того, что мы даем обет безбрачия. Раньше так и было. По жизни древние христиане мало чем отличались от монахов.

(Окончание на 8-й стр.)

Иеромонах Василий (Росляков) перед могилками оптинских старцев

«Духовность России - это Христос»

(Окончание. Начало на 7-й стр.)

- Но ваша жить все равно более внутренняя...
- Это не нам судить. Господь Судья - где мы есть. Он знает, чем мы живем, и как мы живем.
- Как же вам трудно, и просто больно!
- «Радуйтесь и веселитесь, яко мзда ваша многа на небесах» и «паки реку - радуйтесь!» Вот какие мы обетования имеем. А Вы говорите - трудно.
- Ну все равно же, вам трудно?
- Нам помогает Господь. Поэтому нам легче.
- Он всем помогает, а вам все равно труднее.
- Ведь есть у отца любимые сыновья, да? Вот монахи - это любимые сыновья. Кого Бог больше любит, кому больше помогает? Монахам. Поэтому нам легче. А вот люди, которые отдалены от Бога, они как бы становятся теми блудными сыновьями. Вот тогда им становится трудно. Трудно почему? Потому что Самому Господу труднее им помочь. Понимаете? Вот отчего трудность-то возникает в жизни - когда человек берет на себя что-то и отстраняет от себя Бога, Который помогает ему. Вот мир и несет все эти скорби, потому что от Бога отошел, отстранился от Христа, и тащит на себе этот воз непосильный. А мы пришли к Богу, и Господь их Сам за нас несет и все делает.
- Но опять же, если более любимые, тогда и больше страданий, хотя они и внешне не видны?
- У каждого человека есть боль, у каждого есть страдания. Монахи - это возлюбленные Господни дети. Вот, старцев, пожалуйста, возьмите. Ведь к чему они пришли? - К непрестанной радости. Они у нас были источниками радости. Представьте, что Вы подходите к батюшке Амвросию и говорите: «Батюшка, отец Амвросий, да Вы скорбите, наверное, да?» Глядя на них, таких вопросов не возникало. Это глядя на нас, таких вот немощных, такие вопросы могут возникнуть.

«Почему одни и те же слова, которые вчера оставались незамеченными, сегодня потрясают меня своим величием и мудростью, так что их хочется навсегда удержать в сердце?»

Непостоянство моего сердца этому причина. Вчера оно было ледяным, поэтому все изящное и строгое восхищало его, сегодня оно подобно тающему снегу, который радуется свету и теплоте. Что же происходит в глубинах сердца моего, куда не проникают ни зрение мое, ни ум мой? Там, подобно солнцу, с его восходами и закатами, рождается и умирает покаяние...»

Иеромонах Василий (Росляков)

Что такое энкаустика?

Отвечает Анатолий Влезько,
руководитель мастерской
«Палехский иконостас»

Энкаустика - это особая техника написания икон, при которой краски расплавляются в горячем воске.

Энкаустика предполагает растапливание заранее подготовленных кусков воска, смешанных с краской, на огне, на металлической палитре. И накладывать их не только кистью, но и разогретой металлической палочкой.

В этой технике выполнено древнейшее из дошедших до нас изображений Христа - икона VI века Спас Пантократор, которая находится в Египте, в монастыре святой Екатерины. Ф.

За Христа пострадавшие

Гонения на Русскую
Православную Церковь
1917–1956. Биографический
справочник. Кн. 3 (В)

М.: Изд-во ПСТГУ, 2017.
- 644 с. : илл.

В основе этого уникального, величественного и страшного биографического справочника, который можно назвать энциклопедией страданий новомучеников и исповедников Российских, - база данных, созданная в Православном Свято-

Тихоновском гуманитарном университете трудами Николая Евгеньевича Емельянова, доктора технических наук, крупного российского специалиста в области информатики, разработавшего оригинальное программное обеспечение, которое позволило систематизировать сведения о тысячах «за веру православную, за Церковь Христову живот свой положивших». Работа по сбору сведений о гонениях на РПЦ началась в 1990 году в информационной секции Братства во имя Всемилостивого Спаса, из которой потом выросла кафедра информатики. Сбор, систематизация, тщательный анализ архивных материалов и свидетельство современников о людях, гонимых властью только за то, что они верили в Бога, продолжается. Сегодня в базе около 35 тысяч имен, и она постоянно пополняется.

В недавно вышедшей в издательстве ПСТГУ третьей книге проекта 644 страницы. Шестьсот сорок четыре страницы страданий. Короткие бесстрастные сведения: имя, священный сан, дата рождения, основные этапы жизни/служения, сведения об арестах, ссылках, кончине - потрясают больше, чем красочные патетические описания ужасов, которые пришлось перенести им в тюрьмах и концлагерях. В некоторых статьях есть воспоминания современников о проповедях, эпизодах служения, дополняющие яркими живыми деталями портреты этих людей и вызывающие глубокое уважение перед их мужеством и бесстрашием.

Например, в статье о священномученике Владимире Амбарцумове упоминается, что на допросе он твердо сказал: «Я по своим убеждениям заявляю, что советская власть есть явление временное, как всякая власть». А священномученик Владимир (Богоявленский), митрополит Киевский и Галицкий, изложил Николаю II свое мнение о пагубном влиянии деятельности Григория Распутина, за что был удален из Москвы в Киев, где и был убит в 1918 году ворвавшимися в его келью революционерами.

Здесь под одной обложкой - первоиерархи и деревенские батюшки, монахини и миряне. Рядом митрополит, церковный сторож, староста храма... «Арестован по обвинению в антисоветской агитации», «шумел на сходе, протестуя против закрытия храма». «Расстрелян», «умер в лагере», «умер в ссылке»... Здесь тысячи тех, кто страдал, но не отрекся от Христа.

И сквозь горечь и ужас прорастает радость: сколько же у нас молитвенников! Новомученики и исповедники Российские, молитесь Бога о нас! Ф.

Наталья Богатырева